Проф 38

Къ вопросу о статистическомъ методѣ въ историко-экономическихъ изслѣдованіяхъ.

1. Писцовыя книги Шелонской пятины, въ статистическомъ семинаріи Спб. В. Ж. Курсовъ.

2. Къ вопросу объ использованіи писцовыхъ книгъ какъ статистическаго источника.

Не думаю, чтобы мнѣ было нужно останавливаться на вопросѣ о значеніи статистическаго метода для исторіи,—въ особенности для исторіи хозяйства. Едва ли мнѣ нужно, въ частности, доказывать важность примѣненія методовъ статистики къ обработкѣ такого первостепенно-важнаго источника хозяйственной исторіи, какимъ являются писцовыя книги, вообще земельно-хозяйственныя переписи до-Петровскаго времени. Но статистическая разработка писцовыхъ книгъ—это дѣло, подразумѣвающее массу полумеханическаго, выборочнаго и счетнаго труда и потому превышающее силы единоличнаго работника. Очень подходящимъ дѣломъ она является, напротивъ, для такихъ, объединенныхъ общимъ руководствомъ, группъ начинающихъ научныхъ работниковъ, каковы семинаріи высшей научной школы. Вотъ это обстоятельство и даетъ мнѣ смѣлость выступить передъ спеціалистами историческаго знанія съ предварительнымъ отчетомъ объ одной работѣ въ указанной области, ведущейся подъ моимъ руководствомъ, въ статистическомъ семинаріи С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ. Заранѣе оговариваюсь: я буду разсматривать эту работу болѣе или менѣе исключительно съ методологической точки зрѣнія. Въ первой части этой статьи я изложу, такъ сказать, внѣшнюю ея исторію и дамъ краткій обзоръ намѣчающихся выводовъ; во второй я войду въ—конечно далеко не исчерпывающее—разсмотрѣніе вопроса объ использованіи писцовыхъ книгъ, какъ статистическаго источника.

НА 29 20110.

I.

Три года тому назадъ академія наукъ, по иниціативѣ академика М. А. Дьяконова, поручила мнѣ критическое разсмотрѣніе частью уже напечатанной въ то время, частью остававшейся еще въ рукописи работы Н. Н. Нордмана подъ общимъ заглавіемъ: „Статистика въ русской исторіи. Опытъ статистической обработки писцовыхъ Новгородскихъ оброчныхъ книгъ около 1498 года“. Въ представленномъ академіи отзывѣ, напечатанномъ въ отчетѣ о 53-мъ присужденіи Уваровскихъ премій, мнѣ пришлось вплести въ критическую оцѣнку труда г. Нордмана небольшую самостоятельную работу по первоисточнику, непосредственною задачею которой было: показать тѣ разнообразныя, неиспользованныя авторомъ рецензированнаго труда, направленія, по которымъ могла-бы пойти статистическая разработка источника съ даннымъ содержаніемъ и даннаго формальнаго характера. Доложенные въ одномъ изъ засѣданій Историческаго общества при С.-Петербургскомъ университетѣ, результаты этой небольшой работы, равно какъ и связанныя съ нею критическія и методологическія соображенія, были встрѣчены собравшимися съ видимымъ интересомъ.

Вскорѣ послѣ того въ руководимый мною статистическій семинарій Спб. высшихъ женскихъ курсовъ пожелали зачислиться четыре слушательницы историческаго факультета, въ томъ числѣ три—спеціалистки по русской исторіи. Имѣя въ виду дать имъ интересную для нихъ работу, а вмѣстѣ съ тѣмъ возможно шире использовать ихъ спеціальную научную подготовку, я предложилъ имъ образовать отдѣльную группу для возможно исчерпывающей статистической разработки писцовыхъ книгъ Шелонской пятины. На ближайшую очередь была поставлена сохранившаяся въ большей своей части „полная“ книга, отнесенная издателями къ 1498 году, въ дальнѣйшемъ же имѣлось и имѣется въ виду перейти къ разработкѣ позднѣйшихъ книгъ, относящихся къ той-же мѣстности.

Составившаяся для указанной цѣли группа, проработала— замѣчу здѣсь-же, съ рѣдкой энергіей! — два учебныхъ періода:

одинъ, какъ сказано, въ составѣ четырехъ, второй—семи человѣкъ, при чемъ особенно выдающуюся роль все время играла оставленная при курсахъ по каѳедрѣ русской исторіи С. Ф. Айнбергъ, фактически несшая обязанности моей ассистентки по веденію данной работы. Всѣ фазисы работы обсуждались въ безчисленныхъ собраніяхъ группы, которыя лишь въ нѣкоторой своей части происходили подъ моимъ личнымъ руководствомъ. И вотъ, на первомъ-же такомъ собраніи, происходившемъ безъ меня, участницы группы, совершенно самостоятельно, пришли къ тому правильному заключенію, что первою задачею должно быть, такъ сказать, мобилизировать матеріалъ писцовой книги, привести его въ подвижный видъ, чтобы его потомъ можно было группировать и подсчитывать въ какихъ-угодно направленіяхъ и комбинаціяхъ. Для этого надлежало выбрать все существенное содержаніе книги на карточки или подсчетные листки. Въ соотвѣтствіе съ двойственнымъ содержаніемъ источника, пришлось выработать два типа такихъ карточекъ: одинъ—для „деревень“, со включеніемъ даваемыхъ источникомъ признаковъ, характеризующихъ дворы; другой—для характеристики владѣній, какъ самостоятельныхъ земельно-податныхъ единицъ.

Въ первую изъ этихъ карточекъ, въ окончательномъ ея видѣ, вошли слѣдующія рубрики: названіе деревни и погоста, родъ владѣнія, число дворовъ и „людей“ въ общемъ итогѣ и съ подраздѣленіемъ на господскіе, „служніе“, крестьянскіе, причтовые и „прочіе“; число крестьянскихъ дворовъ съ однимъ, двумя, тремя, четырьмя и болѣе чѣмъ съ четырьмя „людьми“; число крестьянскихъ-же дворовъ съ населеніемъ родственнымъ, чужероднымъ, съ зависимыми людьми; общее на деревню число коробей пашни, копенъ покоса и обежъ, — всѣ три цифры съ подраздѣленіемъ на „барскія“ и крестьянскія. Затѣмъ, уже въ ходу работы, были добавлены: число пустыхъ дворовъ — замѣчу здѣсь же, по данной переписи очень незначительное, но тѣмъ болѣе интересное для сопоставленія съ крупными цифрами послѣдующихъ переписей; имена „стараго“, новгородскаго, и „новаго“, московскаго владѣльца,—обо-

значенія, необходимыя для того, чтобы впослѣдствіи выяснить составъ отдѣльныхъ владѣній и перемѣны, испытанныя ими въ результатѣ московской конфискаціи; для деревень общаго владѣнія, „вопчихъ“,—имена или названія всѣхъ совладѣльцевъ; это послѣднее обозначеніе дало возможность установить, съ одной стороны, цѣликомъ представленныя въ сохранившемся матеріалѣ деревни общаго владѣнія, съ другой—неполныя деревни этой категоріи. Другія, первоначально введенныя въ разсматриваемую карточку, рубрики въ ходу работы были исключены, а именно: характеръ — родственный или иной—отношеній между дворами каждой данной деревни, и особое обозначеніе нетяглыхъ и непашенныхъ дворовъ. Первая изъ этихъ рубрикъ была исключена потому, что имена и отчества дворохозяевъ далеко не вездѣ давали достаточно ясныя указанія о наличности или отсутствіи родства между ними; вторая—въ виду незначительности числа нетяглыхъ и непашенныхъ дворовъ, которые, поэтому, и было признано цѣлесообразнымъ не выдѣлять въ особую категорію, а отнести въ сборную категорію „прочихъ“.

Въ карточку для владѣній вошли прежде всего: погостъ, имена или обозначенія „стараго“ и „новаго“ владѣльца, число деревень, въ нихъ дворовъ и „людей“, общее число обежъ—все это какъ по „старому“, такъ и по „новому“ письму. Затѣмъ—приблизительно (въ какомъ отношеніи „приблизительно“ — объ этомъ см. ниже) полный учетъ платежей и повинностей какъ по „старому“, новгородскому, такъ и по „новому“, московскому обложенію; и для того, и для другого пришлось выписывать отдѣльно, прежде всего владѣльческій оброкъ, затѣмъ — доходъ ключника, а для московскаго письма—еще и „намѣстничій кормъ“. Владѣльческій оброкъ пришлось писать отдѣльно денежный, отдѣльно натуральный и отдѣльноже выписывать замѣняющій натуру денежный платежъ. Но какъ—возникалъ затѣмъ вопросъ—учитывать натуральный оброкъ? выписывать-ли на карточки всѣ безъ исключенія, встрѣчающіеся въ источникѣ, весьма разнообразные виды поступающихъ въ оброкъ продуктовъ, въ томъ числѣ такіе, которые встрѣчаются лишь въ единичныхъ случаяхъ,— или же только тѣ, которые встрѣчаются

болѣе или менѣе обычно и, слѣдовательно, являются типичными для данной мѣстности? и отдѣлять-ли при этомъ собственно оброкъ отъ особо показываемаго источникомъ „мелкаго дохода“, въ которомъ, сплошь и рядомъ, встрѣчаются тѣ-же продукты, которые въ другихъ случаяхъ входятъ въ составъ оброка? Исходною точкой зрѣнія при рѣшеніи того и другого вопроса послужило то соображеніе, что цѣлью учета натуральныхъ повинностей является въ данной работѣ не столько неносильная для даннаго состава работающихъ полная оцѣнка платежей, сколько характеристика хозяйства даннаго района, для которой учетъ натуральныхъ платежей, какъ мы увидимъ ниже, могъ доставить весьма цѣнныя данныя. Разъ была принята эта точка зрѣнія, то, естественно, различіе между мелкимъ доходомъ и оброкомъ утрачивало всякое значеніе, съ другой-же стороны оказывалось излишнимъ стремиться къ исчерпывающему учету входящихъ въ составъ натуральнаго оброка продуктовъ: очевидно, что интересъ для характеристики мѣстнаго хозяйства могли представить лишь болѣе или менѣе типичные, а не случайные элементы натуральнаго оброка. Такими болѣе или менѣе типичными элементами— какъ выяснила спеціально для того произведенная предварительная выборка—оказались четыре хлѣба—рожь, овесъ, пшеница и ячмень. затѣмъ— ленъ, хмель и солодъ; для каждаго изъ этихъ семи продуктовъ въ карточкѣ была отведена особая графа, въ которой должно было показываться положенное въ оброкъ количество даннаго продукта; для всѣхъ остальныхъ была отведена одна сборная графа съ заголовкомъ „сверхъ того“, въ которой долженъ былъ отмѣчаться, особыми условными знаками, только родъ, но не количество продуктовъ. Соотвѣтственнымъ образомъ проведенная выборка изъ источника дастъ, такимъ образомъ, полный перечень всѣхъ продуктовъ, хоть одинъ разъ фигурирующихъ въ составѣ натуральнаго оброка, и количественный учетъ тѣхъ изъ нихъ, которые являются типичными для даннаго района или для входящихъ въ составъ его отдѣльныхъ мѣстностей [1]). Другой прин-

[1]) При обсужденіи сдѣланнаго мною въ Историческомъ обществѣ при С.-Петербургскомъ Университетѣ сообщенія о постановкѣ нашей работы

ціпіальный вопросъ, возникшій по поводу разсматриваемаго рода карточекъ, заключался въ томъ, что́ считать за учетную единицу, слѣдовательно, для чего писать самостоятельную карточку: для каждой отдѣльной дачи, „боярщины“, или для цѣлаго владѣнія, состоявшаго, нерѣдко, изъ нѣсколькихъ „боярщинъ“ (рубрика источника: „а во всѣхъ трехъ боярщинахъ...“). Рѣшено было писать отдѣльную карточку для каждой отдѣльной дачи; это—во-первыхъ, потому, что именно она, а не случайная совокупность отданныхъ въ однѣ руки дачъ, является основною земельно-хозяйственною единицей; а во-вторыхъ—еще и потому, что къ „боярщинамъ“ относятся имѣющіяся въ источникѣ указанія на „старыхъ“ владѣльцевъ и данныя „стараго“ письма, и слѣдовательно, лишь для этихъ дачъ, а не для цѣлыхъ владѣній, возможны сопоставленія данныхъ этого послѣдняго съ данными новаго, московскаго счета.

Въ настоящее время [1]) эти „дачныя“ карточки написаны по 12 погостамъ, подеревенныя карточки—для всѣхъ погостовъ, для которыхъ сохранились листы „полной“ книги. Возникалъ при этомъ вопросъ: какъ поступать съ погостами, по которымъ матеріалъ сохранился въ неполномъ видѣ, иногда—въ болѣе или менѣе ничтожной части? Чтобы по возможности исчерпать матеріалъ, рѣшено было писать карточки и по этимъ погостамъ, а затѣмъ ввести ихъ и въ табличный подсчетъ; при этомъ, однако, указывается въ таблицахъ вычисленная въ обжахъ доля каждаго такого погоста, сохранившаяся въ первоисточникѣ, а слѣдовательно, и вошедшая въ табличный подсчетъ; по Сумерскому погосту, напримѣръ, подсчитанная по подробной книгѣ часть даетъ въ итогѣ 236 обежь, по краткой книгѣ значится всего 582, слѣдовательно, не хватаетъ 316 обежъ; по Свинорѣцкому сохранились и подсчитаны данныя на 10 обежъ, тогда

было указано на то, что изложенный въ текстѣ способъ учета натуральныхъ платежей умаляетъ цѣнность нашей выборки, такъ какъ суживаетъ возможность послѣдующаго ея использованія, -и признано было желательнымъ дать полный количественный учетъ всѣхъ продуктовъ, съ выдѣленіемъ притомъ оброка отъ мелкаго дохода.

[1]) Все, что́ касается до положенія работы; относится къ веснѣ 1913 г.

какъ всего по краткой книгѣ числится 99, и т. д.; необходимыя для вычисленія доли данныя объ общемъ числѣ обежъ въ погостахъ были взяты изъ „краткой“ книги того-же года. Та-же краткая книга оказала затѣмъ и нѣкоторыя дальнѣйшія услуги: она доказала полноту сохранившагося матеріала по нѣкоторымъ погостамъ (Косицкій, Березскій), по которымъ сохранившаяся и обработанная нами часть подробной книги учитываетъ лишь ничтожное количество селеній и обежъ—остальная часть этихъ погостовъ оказалась учтенною по отдѣльной, „дворцовой“ книгѣ; затѣмъ, пользуясь указаніями краткой книги, оказалось возможнымъ изъ напечатанныхъ въ изданіи археографической комиссіи неразобранныхъ листовъ выбрать полный матеріалъ по Скнятинскому погосту.

Съ завершеніемъ выборки на карточки, матеріалъ „подробной книги“, характеризующій деревни и дворы, можетъ быть использованъ въ какихъ угодно комбинаціяхъ и для выясненія какихъ угодно, могущихъ быть освѣщенными на основаніи даннаго матеріала, причинныхъ или, говоря точнѣе, функціональныхъ зависимостей. Историческою группою статистическаго семинарія пока выполнена только одна, впрочемъ, основная часть представляющихся возможными подсчетовъ: подсчетъ по погостамъ и родамъ владѣнія. Прежде всего, составлена „основная“ таблица по погостамъ и внутри каждаго погоста —по разрядамъ владѣній (великаго князя, помѣщичьи, монастырскія, владычнія, своеземцевы и „вотчія“ деревни), дающая характеристику деревень по слѣдующимъ группамъ признаковъ: населеніе—дворы и „люди“, пашня въ коробьяхъ, сѣнокошеніе въ копнахъ, обложеніе въ обжахъ.

Общая схема этой таблицы воспроизводитъ таблицу V, приложенную къ моему отзыву на трудъ П. П. Нордмана, но значительно расширена по сравненію съ послѣднею въ виду, частью, тѣхъ указаній, какія дало болѣе детальное сплошное изученіе заключающагося въ первоисточникѣ матеріала, частью же въ виду привнесеннаго участницами группы болѣе спеціальнаго историческаго интереса. Именно, дополнительно къ моей схемѣ введено: расчлененіе дворовъ и „людей“ по сословному признаку, а дворовъ, сверхъ того,

по числу учтенныхъ въ нихъ „людей“ и по родственному или чужеродному составу; учетъ пустыхъ дворовъ, пустыхъ деревень и пустошей; распредѣленіе деревень по числу дворовъ; учетъ деревень съ „господскими“ дворами и съ „господскою“ запашкой; учетъ „барской“ запашки и „барскаго“ сѣнокошенія проведенъ отдѣльно отъ крестьянскихъ; число деревень, дворовъ и коробей, а также копенъ накашиваемаго сѣна дано отдѣльно для однодворныхъ и для многодворныхъ деревень; группировка деревень по количеству пашни проведена въ болѣе дробномъ расчлененіи, при чемъ, кромѣ группы съ круглою цифрой 4 коробьи, выдѣлена группа съ круглою же цифрой 5 коробей, которая—какъ оказалось—тоже встрѣчается въ матеріалѣ очень часто, хотя и рѣже, нежели цифра 4; въ томъ-же направленіи развернута группировка деревень по выраженной числомъ коробей на обжу тягости обежнаго обложенія, общій же счетъ обежъ данъ отдѣльно для барской, барско-крестьянской и крестьянской земли.

Построенная такимъ образомъ „основная“ таблица, будучи годною для использованія въ очень разнообразныхъ направленіяхъ, страдала, однако, однимъ недостаткомъ: данныя по „вопчимъ“ деревнямъ приходилось подсчитывать безъ подраздѣленія по представленнымъ въ нихъ, въ различныхъ комбинаціяхъ, родамъ владѣнія, а потому суммированіе цифръ по деревнямъ великаго князя (оброчнымъ), помѣщичьимъ и т. п. не могло дать полныхъ итоговъ, нужныхъ для характеристики всей совокупности принадлежавшихъ къ каждому изъ этихъ разрядовъ дворовъ и „людей“ съ ихъ запашками, сѣнокошеніемъ и т. п. Чтобы получить такіе итоги, нужно было къ полученнымъ изъ подсчета подеревенныхъ данныхъ итогамъ присчитать еще дворы и „людей“ каждаго даннаго разряда, усчитанныхъ въ составѣ „вопчихъ“ деревень. Отсюда—необходимость въ особой вспомогательной таблицѣ для „вопчихъ“ деревень, дающей всѣ признаки, касающіеся уже не деревень, какъ цѣлаго, а дворовъ и „людей“, въ расчлененіи по долямъ каждаго отдѣльнаго рода владѣнія, а затѣмъ для тѣхъ-же категорій признаковъ была составлена окончательная „суммирующая“ таблица, каждая изъ цифръ которой представляетъ собою сумму относящихся къ данной

категоріи владѣнія цифръ основной таблицы и соотвѣтственныхъ цифръ таблицы долей „вопчихъ“ деревень, и которая даетъ, такимъ образомъ, исчерпывающій подсчетъ данныхъ по каждому отдѣльному разряду населенія. Въ послѣдующей, также уже законченной, стадіи, вычисленія „статистическихъ коэффиціентовъ“—среднихъ и процентныхъ величинъ, всѣ цифры, касающіяся деревень, брались изъ основной, всѣ цифры, касающіяся дворовъ и „людей“—изъ „суммирующей“ таблицы. Дальнѣйшія осложненія возникли при вычисленіи коэффиціентовъ, а частью и при различныхъ группировкахъ, изъ разносоставности населенія описанныхъ въ источникѣ деревень. Такъ, среднія количества коробей пашни, копенъ сѣнокошенія и обежъ сначала выводили для всѣхъ дворовъ безъ различія категорій, впослѣдствіи же признали правильнымъ выводить для однихъ только крестьянскихъ дворовъ (съ присоединеніемъ къ нимъ—гдѣ „барскихъ“ дворовъ не было возможности начисто выдѣлить—и „барско-крестьянскихъ“); при этомъ исходили изъ того соображенія, что только крестьянскіе дворы являются однородною массой, изученіе хозяйственнаго строенія которой притомъ представляетъ наибольшій интересъ. Исходя изъ того-же соображенія, рѣшено было при группировкѣ деревень по размѣрамъ пашни и сѣнокошенія считать за „однодворныя“ всѣ деревни съ однимъ крестьянскимъ дворомъ, хотя-бы, кромѣ того, въ деревнѣ былъ владѣльческій, причтовый и т. п. дворъ,—благодаря чему, между прочимъ, число однодворныхъ деревень по этому подсчету замѣтно больше, чѣмъ въ общей демографической группировкѣ деревень по числу дворовъ, въ которой принимались въ разсчетъ **всѣ**, а не одни только крестьянскіе дворы.

Такимъ образомъ, пока выполнена лишь небольшая часть предстоящей по писцовымъ книгамъ Шелонской пятины статистической работы: разработана пока только „подробная книга“, отнесенная издателями къ 1498 году, въ дѣйствительности же относящаяся, повидимому, къ 1498—1501 годамъ; сохранившаяся и вошедшая въ наши подсчеты часть этой книги охватываетъ 43 погоста съ 2064 деревнями, заключающими 4787 дворовъ и 7192 „людей“,

съ общимъ населеніемъ, приблизительно, въ 28 тыс. человѣкъ; при вычисленіи статистическихъ коэффиціентовъ было отброшено шесть изъ указаннаго числа погостовъ, по которымъ сохранились и вошли въ валовой подсчетъ лишь незначительные обрывки писцоваго счета. И даже этотъ ограниченный по объему матеріалъ далеко не законченъ разработкой: разработаны лишь данныя о деревняхъ, остались пока не разработанными данныя о владѣніяхъ или дачахъ, и даже матеріалъ по деревнямъ разработанъ пока лишь въ одномъ, если можно такъ выразиться, географическомъ направленіи. Въ будущемъ предстоитъ еще комбинаціонная его разработка, цѣлью которой будетъ болѣе точное выясненіе функціональныхъ зависимостей между различными, даваемыми источникомъ признаками, нежели это можетъ быть сдѣлано путемъ сопоставленія вошедшихъ въ уже составленныя таблицы цифръ (методъ „параллельныхъ рядовъ“). Предстоитъ, притомъ, не только комбинировать между собой различные признаки, характеризующіе деревни съ ихъ населеніемъ и землепользованіемъ, но, кромѣ того—и комбинировать данныя о деревняхъ съ данными о владѣніяхъ или дачахъ, къ которымъ принадлежатъ эти деревни, въ направленіи, намѣченномъ отчасти въ работѣ Н. Н. Нордмана, отчасти—въ моей рецензіи на эту работу. Болѣе того: даже чтобы вполнѣ осмыслить хотя-бы одни только тѣ данныя, которыя сведены въ нашей „основной“ и въ дополнительныхъ къ ней таблицахъ, едва ли можно обойтись безъ изученія данныхъ современной экономической статистики тѣхъ мѣстностей, которыя нѣкогда входили въ составъ Шелонской пятины, а также относящихся къ ней картографическихъ матеріаловъ, результатовъ естественно-историческихъ изслѣдованій и т. п.; уже при первомъ, бѣгломъ ознакомленіи съ этими матеріалами оказалось возможнымъ уловить, напримѣръ, нѣкоторую зависимость между обнаружившимися при подсчетѣ данныхъ переписи 1498 г. особенностями юго-западной и юго-восточной группы погостовъ Шелонской пятины съ установленнымъ современными намъ изслѣдованіями характеромъ соотвѣтственныхъ мѣстностей нынѣшнихъ Новгородской, Псковской и Петербургской

губерній: одной — какъ лугового, по преимуществу другой — какъ болотнаго района [1]).

При такомъ положеніи дѣлъ, статистическая обработка писцовыхъ книгъ Шелонской пятины — даже однѣхъ только книгъ 1498—1501 гг., очевидно, еще весьма далека отъ своего завершенія, и выполненная пока какъ Н. Н. Нордманомъ и лично мною, такъ и группой участницъ статистическаго семинарія часть этой работы, конечно, далеко не исчерпываетъ всей той совокупности результатовъ, какіе *можетъ и должно* дать приложеніе методовъ статистики къ обработкѣ этого драгоцѣннаго статистическаго источника. Однако, и уже полученные или, по крайней мѣрѣ, намѣчающіеся результаты кажутся мнѣ довольно осязательными. Такъ, съ достаточною ясностью выраженный параллелизмъ между величиною селеній и выраженными въ коробьяхъ размѣрами запашекъ даетъ опредѣленное указаніе на то, что концентрація населенія стоитъ въ опредѣленной зависимости отъ степени простора для запашекъ, а параллелизмъ между размѣрами запашекъ и долею заселенной земли, разобранною владѣльцами разныхъ категорій, является показателемъ того, что тѣ-же благопріятствующія развитію земледѣлія условія являлись факторомъ, способствовавшимъ развитію помѣстнаго землевладѣнія. Мало того—выясняется опредѣленная зависимость между степенью распространенности и типомъ помѣстнаго владѣнія: чѣмъ больше процентъ владѣльческихъ земель, тѣмъ крупнѣе оказывается размѣръ владѣній; чѣмъ болѣе какая-либо мѣстность привлекала, вообще, охотниковъ до помѣстій, тѣмъ сильнѣе—надо думать—добивались здѣсь помѣстій тѣ крупные и вліятельные люди, которые имѣли право на значительные отводы; на долю болѣе мелкаго слу-

[1]) Считаю долгомъ отмѣтить, что первое указаніе на наличность такого рода зависимости я получилъ при обсужденіи предварительнаго сообщенія въ Московскомъ Обществѣ имени А. И. Чупрова, главнымъ образомъ, отъ А. Е. Лосицкаго. Участвовавшіе въ засѣданіи статистики, вообще, съ большимъ сочувствіемъ отнеслись къ мысли—въ выясненныхъ современными изслѣдованіями мѣстныхъ условіяхъ искать объясненія для обнаруживаемыхъ при статистической обработкѣ данныхъ писцовыхъ книгъ географическихъ правильностей.

жилаго люда, имѣвшаго право на меньшія помѣстья, оставались менѣе привлекательные для частнаго владѣнія погосты, въ которыхъ, именно поэтому, разобрана была меньшая доля населенныхъ земель. Очень незначительная, въ общемъ, площадь посѣвовъ, по перечисленіи въ десятины очень близкая къ среднимъ цифрамъ современныхъ намъ крестьянскихъ посѣвовъ въ губерніяхъ, въ составъ которыхъ вошла бывшая Шелонская пятина, при очень незначительныхъ колебаніяхъ среднихъ по погостамъ цифръ и при поразительно слабой земледѣльческой дифференціаціи, поскольку таковая можетъ быть установлена изученіемъ группировки абсолютныхъ цифръ по однодворнымъ и среднихъ по многодворнымъ селеніямъ, является вѣскимъ подтвержденіемъ высказаннаго еще Соколовскимъ положенія о чистонатуральномъ характерѣ тогдашняго земледѣлія, рѣшительно неблагопріятствовавшемъ образованію болѣе значительныхъ запашекъ. И въ то-же время изученіе аналогичныхъ данныхъ, относящихся къ сѣнокошенію, рѣшительно опровергаетъ указанія того же Соколовскаго, Рожкова и Готье на будто-бы происходившее въ Новгородской области надѣленіе покосами по опредѣленной нормѣ, вообще на обязательную наличность въ составѣ каждаго обежнаго участка „соразмѣрнаго количества луговъ“, а тѣмъ болѣе — на „значительное количество сѣна, скашиваемаго каждымъ дворомъ“: распредѣленіе покосовъ оказывается, напротивъ, крайне неравномѣрнымъ; значительная часть крестьянъ располагаетъ очень незначительнымъ или даже прямо ничтожнымъ количествомъ покоса, и даже среднія по цѣлому району цифры отнюдь не могутъ быть признаны высокими. Статистическое изученіе содержанія писцовой книги, въ частности содержащихся въ ней данныхъ о натуральныхъ оброкахъ, позволяетъ, далѣе, внести нѣкоторую опредѣленность въ наши представленія о характерѣ земледѣлія въ Новгородской области. Оно заставляетъ, въ частности, рѣшительно отвергнуть указанія Соколовскаго на царившее въ ту эпоху однообразіе способовъ земледѣльческой культуры; на господство, въ частности, трехпольнаго хозяйства съ посѣвомъ овса, равнымъ посѣву озимой ржи, при почти совершенномъ отсутствіи посѣвовъ пшеницы. Данныя о натуральныхъ оброкахъ свидѣ-

тельствуютъ, наоборотъ, о крайнемъ разнообразіи въ распредѣленіи культуръ, при чемъ овесъ, въ общемъ, далеко первенствуетъ передъ рожью, пшеница же является если и второстепеннымъ по своему значенію, то все-же существеннымъ элементомъ тогдашняго земледѣлія; мало того — они позволяютъ съ достаточною опредѣленностью установить существованіе нѣсколькихъ типовъ земледѣльческой культуры, каждый изъ которыхъ, въ свою очередь, выступаетъ въ нѣсколькихъ разновидностяхъ. Это, именно, чистое трехполье, съ одной стороны, чисто-переложное хозяйство, по всей вѣроятности въ залежной формѣ, съ другой, а посрединѣ между ними смѣшанное хозяйство, гдѣ трехполье такъ или иначе сочетается съ залежными сѣвооборотами. Топографическое распредѣленіе этихъ типовъ, иначе сказать смѣна ихъ въ пространствѣ, стоитъ въ ясномъ соотвѣтствіи съ нормальною ихъ послѣдовательностью во времени: чисто-переложное хозяйство непосредственно переходитъ въ смѣшанное, и уже изъ него выкристаллизовывается чистое трехполье. Въ Шелонской пятинѣ, такимъ образомъ, уже въ концѣ 15 вѣка полнымъ ходомъ шелъ процессъ перехода отъ первобытнаго залежнаго хозяйства къ трехполью,—и этому соотвѣтствуютъ процессы, происходившіе въ размѣщеніи населенія по территоріи края. Сопоставленіе данныхъ „стараго“ и „новаго“ письма свидѣтельствуетъ, именно, объ уже начавшейся концентраціи населенія въ деревняхъ, иначе сказать—о томъ укрупненіи селеній, которое съ тѣхъ поръ сдѣлалоо очень значительные успѣхи и которое всегда, и въ наше время, сопровождаетъ переходъ отъ переложнаго хозяйства къ навозному трехполью. Съ другой стороны обнаруживается любопытная зависимость между типомъ земледѣльческаго хозяйства и характеромъ землевладѣнія: районы господства чистаго трехполья являются, вмѣстѣ съ тѣмъ, районами преобладанія помѣстнаго землевладѣнія, притомъ въ болѣе крупныхъ формахъ, или, по крайней мѣрѣ—господства крупныхъ помѣстій, хотя бы при подчиненномъ, въ общемъ, значеніи помѣстнаго землевладѣнія; районы господства переложнаго хозяйства—районами съ подчиненнымъ значеніемъ, вообще, помѣстнаго землевладѣнія и съ преобладаніемъ болѣе мелкихъ его типовъ.

Этихъ бѣглыхъ указаній, которыя далеко не исчерпываютъ уже достигнутыхъ результатовъ, думается мнѣ, достаточно, чтобы сдѣлать очевиднымъ интересъ, какой должна представлять для исторической науки статистическая разработка столь цѣннаго источника, какъ наши писцовыя книги. Болѣе детальное изложеніе этихъ результатовъ въ настоящее время не входитъ въ мою задачу. Сейчасъ мнѣ хотѣлось бы подчеркнуть только одно обстоятельство, къ которому мнѣ придется еще вернуться въ дальнѣйшемъ. Возможно, что мои попытки истолкованія статистически установленныхъ зависимостей или взаимоотношеній будутъ, въ томъ или другомъ случаѣ, отвергнуты представителями исторической науки, спеціалистами по хозяйственной исторіи того времени. Это, однако, не обезцѣнитъ сдѣланной статистической работы: задача статистика, какъ такового, кончается установленіемъ закономѣрностей, въ лучшемъ случаѣ— функціональныхъ, или какъ ихъ часто называютъ — причинныхъ зависимостей въ поддающихся статистическому учету явленіяхъ; объясненіе, истолкованіе этихъ закономѣрностей или причинозависимостей—дѣло представителей соотвѣтственныхъ частныхъ наукъ, въ данномъ случаѣ—спеціалистовъ-историковъ.

II.

Остановлюсь, теперь, на вопросѣ о степени достовѣрности писцовой книги, какъ статистическаго источника, а слѣдовательно и о нашемъ правѣ браться за статистическую его обработку. Этотъ послѣдній вопросъ, въ сущности, предрѣшенъ работами ряда историковъ—назову въ особенности Миклашевскаго, Готье, Рожкова,— всѣ они, такъ или иначе, подходили къ статистическому использованію содержащагося въ писцовыхъ книгахъ матеріала; упомяну, въ частности, о работахъ Нордмана и Загорскаго по писцовымъ книгамъ Шелонской пятины. Всѣ эти изслѣдователи, очевидно, исходили изъ молчаливаго предположенія, что писцовыя записи представляютъ собою матеріалъ, въ той или иной мѣрѣ годный для ста-

тистической обработки. Изъ того-же предположенія исхожу и я. Въ тѣхъ или другихъ своихъ частяхъ, когда болѣе, когда менѣе совершенными пріемами, матеріалъ писцовыхъ записей уже подвергался и подвергается статистической обработкѣ,—значитъ признавался и признается годнымъ для статистическаго источника. Задача, которую предстоитъ разрѣшить въ настоящее время и разрѣшенію которой я хотѣлъ бы посильно содѣйствовать, сводится къ тому, чтобы использовать этотъ, во всякомъ случаѣ драгоцѣнный матеріалъ наиболѣе исчерпывающимъ образомъ, въ соотвѣтствіи съ указаніями статистической методологіи и техники. Какова бы ни была степень достовѣрности писцовыхъ книгъ, какъ статистическаго источника,—поставленная такимъ образомъ задача не утрачиваетъ своего важнаго значенія. Мало того: систематическая статистическая разработка писцовыхъ записей можетъ дать не мало цѣнныхъ указаній и по самому вопросу о степени ихъ достовѣрности.

Конечно, какъ изъ соображеній общаго характера, такъ и въ особенности изъ тѣхъ критическихъ указаній, которыя въ изобиліи разбросаны въ работахъ Лаппо-Данилевскаго, Готье, Миклашевскаго и многихъ другихъ, ясно, что общій уровень достовѣрности писцовыхъ записей не можетъ быть высокъ. Ярко выраженная фискальная цѣль писцоваго счета должна была породить въ населеніи стремленіе къ искаженію истины, какъ правило—къ преуменьшенію признаковъ, прямо или косвенно характеризующихъ платежеспособность опрашиваемыхъ, а широко практиковавшійся пріемъ опроса окольныхъ людей, тоже такъ или иначе заинтересованныхъ въ дѣлѣ, далеко не гарантировалъ исправленія намѣренно-невѣрныхъ показаній. Со стороны органовъ писцоваго счета—писца и его подъячихъ—также очень трудно предполагать наличность сколько-нибудь опредѣленнаго стремленія къ выясненію объективной истины: съ одной стороны, личныя вліянія и чисто-корыстные мотивы могли побуждать ихъ къ принятію завѣдомо-преуменьшенныхъ сказокъ; съ другой, желаніе добиться повышенія обложенія могло побуждать ихъ, напротивъ, и къ искусственно-преувеличеннымъ записямъ, не говоря

уже о тѣхъ искаженіяхъ дѣйствительности, которыя могли проистекать изъ значенія писцоваго счета, какъ акта закрѣпленія опредѣленныхъ владѣній за опредѣленными лицами. Гдѣ возобладалъ одинъ, гдѣ другой мотивъ, гдѣ, слѣдовательно, писцовыя записи являются преуменьшенными, а гдѣ преувеличенными, — на этотъ вопросъ не можетъ быть, повидимому, сколько-нибудь общаго отвѣта; едва ли можетъ быть опредѣленный отвѣтъ на него и въ отдѣльныхъ случаяхъ. А отсюда весьма существенный методологическій выводъ: крайняя рискованность такихъ заключеній, которыя опирались бы на незначительныя мѣстныя или временныя колебанія статистическихъ коэффиціентовъ: нанемного болѣе высокій или немногимъ болѣе низкій статистическій коэффиціентъ можетъ, въ самомъ дѣлѣ, отражать собою нѣкоторую реальную дѣйствительность, — но можетъ быть и просто результатомъ сознательно допущеннаго въ одномъ случаѣ преувеличенія, въ другомъ — преуменьшенія писцовыхъ записей.

По отношенію къ одному изъ важнѣйшихъ, учитываемыхъ писцовымъ счетомъ признаковъ къ этимъ недостаткамъ общаго характера присоединяется еще одинъ специфическій недостатокъ—несомнѣнная условность данныхъ писцоваго счета. Въ этомъ отношеніи, думается мнѣ, производимая нынѣ статистическая разработка писцовыхъ книгъ Шелонской пятины всецѣло подтверждаетъ соображенія, высказывавшіяся покойнымъ И. Н. Миклашевскимъ. Уже въ моей рецензіи на работу Н. Н. Нордмана я отмѣтилъ совершенно немыслимое, при нормальныхъ условіяхъ статистическаго учета, тяготѣніе показаній о запашкахъ къ цифрѣ „4 коробьи“ на дворъ; моими сотрудницами по семинарской работѣ подмѣчено, наряду съ этимъ, хотя и менѣе рѣзко выраженное тяготѣніе къ цифрѣ „5“. По законченному нынѣ подсчету писцовыхъ данныхъ по 37 погостамъ однодворныя деревни даютъ цифру 4 въ 22%, цифру 5 въ 13% всѣхъ случаевъ; въ среднихъ по многодворнымъ деревнямъ эти двѣ круглыя цифры встрѣчаются въ 13 и въ 14% случаевъ. Если же принять въ соображеніе, что именно этими самыми цифрами— 5 либо 4 — въ значительномъ большинствѣ случаевъ выражается

среднее число коробей по расчету на одну окладную единицу—обжу, то станетъ совершенно ясно, что писцы подгоняли свои записи къ этимъ цифрамъ, чтобы получать полныя окладныя единицы. Уже a priori ясно, что такое подгонянье сводилось къ повышенію до четырехъ или до пяти не достигавшихъ этой нормы „сказокъ“,—что оно, слѣдовательно, должно было вести къ нѣкоторому преувеличенію данныхъ писцоваго счета по данному вопросу. И это апріорное предположеніе подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что число деревень съ записанною запашкой въ 2,1 — 3,9 коробей, по моему выборочному подсчету, значительно меньше числа деревень съ 4,1—5,9 коробьями—нормальная группировка по величинѣ запашки должна была бы представлять, скорѣе, обратную картину [1]). По отношенію къ сѣнокосамъ тяготѣнія цифръ къ какой-либо нормѣ не замѣчается: колебанія значащихся въ книгѣ чиселъ чрезвычайно рѣзки и не стоятъ ни въ какой уловимой зависимости отъ обежнаго счета. Конечно, и въ показаніяхъ о покосахъ должны были проявляться обычные мотивы искаженія дѣйствительности; но эти показанія, во всякомъ случаѣ, болѣе правдоподобны—они свободны, по крайней мѣрѣ, отъ искусственнаго подгонянья подъ какую-то норму, а потому гораздо лучше воспроизволятъ реальную дѣйствительность.

Сопоставленіе данныхъ писцоваго счета съ цифрами современной статистики бросаетъ затѣмъ нѣкоторый свѣтъ и на значеніе другой счетной единицы, съ которою оперируетъ писцовый счетъ—единицы, смыслъ которой до сихъ поръ не окончательно выясненъ историками: это именно „люди“. Мнѣ нѣтъ надобности напоминать здѣсь о тѣхъ различныхъ взглядахъ, которые высказывались по данному вопросу въ исторической литературѣ. Для нашей цѣли достаточно отмѣтить, что въ общемъ выводѣ по 37 погостамъ въ

[1]) Я не касаюсь здѣсь подробно разработаннаго мною въ рецензіи на работу Н. Н. Нордмана вопроса о томъ, даетъ ли источникъ полныя числа коробей, или только число коробей въ одномъ полѣ. Тамъ мною приведены соображенія, какъ мнѣ кажется, дѣлающія безспорнымъ, что источникъ даетъ полныя цифры.—умноженіе этихъ цифръ на три дало бы немыслимо-большія, по условіямъ мѣста и времени, цифры запашекъ.

среднемъ на одинъ дворъ получается 1,5, „человѣка“. Очевидно, что „люди“ данной писцовой книги — это не домохозяева; столь-же очевидно, что это и не все мужское рабочее население. 1,5 — это цифра, очень близкая къ среднимъ цифрамъ числа работниковъ мужескаго пола, какія даетъ современная статистика для губерній, между которыми раздробилась бывшая Шелонская пятина (по Новгородской губ. 1,57, для Псковской 1,61, для Петербургской 1,34), и это совпаденіе дѣлаетъ весьма правдоподобнымъ то предположеніе, что и „люди“ писцоваго счета 1498 года тоже были взрослые работники или, можетъ-быть, — что̀ по существу приблизительно то же, — женатые мужчины (тягла, вѣнцы). Любопытно, что приводимый въ писцовой книгѣ „старый счетъ“ даетъ совершенно другую среднюю цифру — 1,1. Такъ какъ столь рѣзкое увеличеніе рабочаго состава средней семьи въ протекшій между „старымъ“ и „новымъ счетомъ“ не очень продолжительный періодъ трудно предположить, то становится правдоподобнымъ, что „старый счетъ“ разумѣлъ подъ „людьми“ нѣчто иное, нежели новый — именно, нѣчто близкое къ понятію „домохозяевъ“. И такое измѣненіе самихъ принциповъ писцоваго счета особенно легко допустить, если принять, что „старый“ счетъ относится еще къ новгородскимъ временамъ.

Къ сожалѣнію, въ настоящее время не представляется возможнымъ опредѣленно сказать, что̀ можетъ дать статистическая разработка данныхъ писцоваго счета для выясненія понятія обжи, а вмѣстѣ съ тѣмъ — и принциповъ обежнаго обложенія. Не входя въ подробности, достаточно отмѣтить, что порайонныя среднія цифры обежъ, приходящихся на одинъ крестьянскій дворъ, не стоятъ ни въ какомъ соотвѣтствіи съ различіями въ обезпеченности пашней, — съ болѣе тяжелымъ обложеніемъ мы встрѣчаемся и въ сравнительно многопашущихъ районахъ, и въ нѣкоторыхъ районахъ съ относительно малыми запашками, — обежный счетъ, значитъ не стоитъ въ уловимой зависимости отъ величины запашекъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, среднее число коробей, приходящееся въ среднемъ на одну обжу, даже въ общихъ по погостамъ цифрахъ колеблется въ столь

широкихъ предѣлахъ, какъ 3,6 и 6,8 коробей. Не обусловливаются ли однако эти колебанія различіями въ степени обезпеченности другими, кромѣ пашни, угодьями, въ частности покосами, которые вѣдь тоже учтены писцовымъ счетомъ? Обработка данныхъ по взятымъ на выдержку семи погостамъ, выполненная мною въ рецензіи на работу Н. Н. Нордмана, привела меня къ отрицательному отвѣту на этотъ вопросъ. Обработанныя нынѣ данныя по 37 погостамъ говорятъ нѣсколько иное: два района съ наиболѣе тяжелымъ, по расчету на единицу запашки, обежнымъ обложеніемъ являются вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе богатыми сѣнокосомъ. Такое совпаденіе едва ли однако, достаточно, для окончательнаго разрѣшенія вопроса, — оно указываетъ лишь на необходимость дальнѣйшаго изслѣдованія въ данномъ направленіи, въ частности—примѣненія болѣе тонкихъ пріемовъ комбинаціоннаго подсчета.

Первостепенно важный, въ частности весьма интересующій, повидимому, русскихъ историковъ вопросъ, это—вопросъ о законности общихъ заключеній, основанныхъ на изученіи сохранившагося въ неполномъ видѣ матеріала, или даже на частичномъ изученіи, матеріала сохранившагося въ большой массѣ; иначе сказать—вопросъ о примѣненіи въ области историческихъ изысканій, въ той или другой формѣ, принциповъ выборочнаго изслѣдованія. Этотъ вопросъ былъ, можно сказать, центральнымъ пунктомъ работы Н. Н. Нордмана, настаивавшаго на томъ, что выводы, основанные на пространственно-ограниченномъ матеріалѣ, могутъ быть распространены за предѣлы непосредственнаго наблюденія не иначе какъ по сопоставленіи колебаній полученныхъ изъ даннаго матеріала цифръ съ теоретически вычисленными нормальными предѣлами колебаній, и признавалъ распространеніе выводовъ безъ примѣненія такого рода математическихъ критеріевъ „совершенно недопустимымъ“. Въ моемъ отзывѣ о работѣ г. Нордмана я подвергъ этотъ взглядъ посильной критикѣ и пришелъ къ иному заключенію. Я призналъ, именно, выставленное имъ категорическое требованіе, чтобы историко-статисти-

ческія изслѣдованія, поскольку они имѣютъ дѣло съ неисчерпывающимъ матеріаломъ, опиралось на математическіе критеріи, рѣшительно не обоснованнымъ; мало того—я старался доказать, что эти критеріи, примѣненіе которыхъ всегда предполагаетъ наличность „прочихъ равныхъ условій", не могутъ найти себѣ мѣста въ области, гдѣ о „равенствѣ условій" не можетъ быть и рѣчи; я подчеркивалъ при этомъ, что „отрицать необходимость примѣненія такихъ критеріевъ отнюдь не значитъ отрицать возможность и цѣлесообразность работы надъ неисчерпывающимъ матеріаломъ, иначе сказать—работы выборочнымъ методомъ, который, напротивъ, долженъ найти себѣ въ данной области особенно широкое примѣненіе". Вопросъ лишь въ пріемахъ обоснованія и техникѣ примѣненія этого метода, которые соотвѣтствовали бы характеру матеріала и задачамъ историческаго изслѣдованія. Всестороннее разсмотрѣніе этого вопроса выходитъ изъ рамокъ настоящей замѣтки,—намѣтить пути для его разрѣшенія едва-ли возможно безъ спеціально-поставленныхъ работъ, такъ сказать, экспериментальнаго характера. Но едва ли можно сомнѣваться въ одномъ: что изъ двухъ принципіально-различныхъ методовъ частичнаго изученія матеріала того типа, представителемъ котораго являются писцовыя книги, примѣнимымъ окажется тотъ самый, который признается предпочтительнымъ и при изслѣдованіи современной дѣйствительности: выборка опредѣленной доли мельчайшихъ единицъ, равномѣрно распредѣленной по всей намѣченной къ изученію массѣ; или въ примѣненіи къ данному конкретному случаю: выборка опредѣленной доли деревень, равномѣрно распредѣленной по всѣмъ погостамъ даннаго района,—выборка, притомъ, производимая по какому либо чисто механическому принципу—каждая пятая либо каждая десятая деревня и т. п. Только въ этомъ случаѣ, думается мнѣ, отобранный матеріалъ будетъ, такъ сказать, законнымъ представителемъ всего даннаго района, и основанные на немъ выводы будутъ подлежать автоматическому распространенію на все пространство этого района; порукой въ этомъ являются начала вѣроятности и основанная на нихъ теорія выборочнаго изслѣдованія. Гораздо

болѣе рискованнымъ кажется мнѣ другой пріемъ, образчиками котораго является работа г. Нордмана, а частью и моя, вошедшая въ составъ рецензіи на упомянутую работу: сплошное изученіе какой-нибудь одной, значительной по объему, части данной массы, или нѣсколькихъ менѣе значительныхъ частей, болѣе или менѣе равномѣрно разбросанныхъ среди этой массы; или, опять-таки, въ примѣненіи къ данному конкретному матеріалу: обработка матеріала по сплошной группѣ погостовъ (какъ у г. Нордмана) или по нѣсколькимъ на удачу выхваченнымъ погостамъ, приблизительно равномѣрно разбросаннымъ по пространству района (какъ у меня). Столь-же рискованнымъ будетъ довольно обычное, повидимому, въ исторической литературѣ, по существу не отличающееся отъ охарактеризованнаго только-что пріема, автоматическое распространеніе выводовъ, полученныхъ на основаніи сохранившагося по опредѣленному, территоріально-ограниченному району матеріала, на болѣе или менѣе обширные, входящіе въ составъ той же географической или исторической области, районы, для которыхъ матеріалъ не сохранился или не подвергался обработкѣ. Въ моей рецензіи на работу П. Н. Нордмана я привелъ, мнѣ кажется, достаточно краснорѣчивые примѣры тѣхъ рѣзкихъ различій, какія наблюдаются даже между непосредственно смежными погостами въ отношеніи и разселенія, и землевладѣнія, и уловленныхъ писцовымъ счетомъ земельно-хозяйственныхъ условій. Довольно цѣнныя—мнѣ кажется—указанія, могущія способствовать выясненію даннаго вопроса, можно извлечь, въ настоящее время, изъ сопоставленія главнѣйшихъ цифровыхъ выводовъ трехъ работъ, относящихся къ одному и тому-же району: выполненной уже части работы статистическаго семинарія, охватившей всѣ 37 погостовъ, для которыхъ матеріалъ сохранился въ болѣе или менѣе полномъ видѣ; работы Н. Н. Нордмана, относящейся къ сплошному району изъ 16 погостовъ, и моей, относящейся къ 7 погостамъ того-же района. Вотъ—къ сожалѣнію—слишкомъ малочисленные статистическіе коэффиціенты, какіе можно извлечь изъ всѣхъ трехъ названныхъ работъ:

	37 погостовъ.	18 пог. г. Нордмана.	7 пог. моихъ
Среднее число дворовъ на деревню	2,1	2,1	2,2
» » людей на дворъ	1,5	1,5	1,6
% однодворныхъ деревень	50	41	43
Въ среднемъ коробей на дворъ	5,1	5,1	4,9
То же въ оброчныхъ деревняхъ	5,3	5,1	4,9
» » помѣщичьихъ деревняхъ	5,2	4,9	4,8
» » монастырскихъ деревняхъ	4,4	4,9	5,5
» » своеземческихъ деревняхъ	4,5	4,9	5,0

Довольно рѣзкая разница въ величинѣ процента однодворныхъ деревень является, можетъ быть, результатомъ неполной тожественности принциповъ, клавшихся въ основу группировки деревень. Средняя величина деревни, среднее число людей въ дворѣ и средній на дворъ размѣръ запашки изображаются во всѣхъ трехъ подсчетахъ очень близкими другъ къ другу величинами. То-же можно сказать о среднемъ размѣрѣ запашки, вычисленномъ отдѣльно для двухъ наиболѣе многочисленныхъ категорій крестьянъ — оброчныхъ и помѣщичьихъ. Для всѣхъ перечисленныхъ признаковъ замѣна коэффиціента, выведеннаго для 37 погостовъ, коэффиціентомъ, полученнымъ для 16-ти или даже для семи погостовъ не измѣнила бы сколько-нибудь существенно статистической картины; во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ коэффиціенты по 16 погостамъ нѣсколько ближе къ выводамъ по всѣмъ 37-ми, нежели коэффиціенты по семи погостамъ, но разница настолько несущественна, что не окупаетъ требуемой подсчетомъ по 16-ти погостамъ добавочной работы. Для двухъ малочисленныхъ категорій крестьянъ—монастырскихъ и своеземческихъ, цифры обоихъ неполныхъ подсчетовъ уже существенно отличаются отъ коэффиціентовъ, полученныхъ для 37 погостовъ, причемъ цифры для 7 погостовъ рѣзче отличаются отъ полныхъ итоговъ, чѣмъ цифры по 16 погостамъ, благодаря чему общая градація всѣхъ четырехъ разрядовъ по величинѣ запашки, которая въ подсчетѣ для 16 погостовъ не слишкомъ существенно отличается отъ градаціи по полному подсчету, во взятыхъ мною на выборку семи погостахъ оказывается существенно отличною: монастырскіе и

своеземческіе крестьяне оказываются стоящими не на послѣднихъ, какъ-бы слѣдовало, а на первыхъ мѣстахъ.

Большее число сопоставленій можно провести уже не по тремъ, а лишь по двумъ подсчетамъ: полному по 37 погостамъ и моему выборочному, по семи. Вотъ, прежде всего, нѣсколько среднихъ величинъ первостепенно-важнаго значенія:

	по 37 пог.	по 7 пог.
дворовъ на деревню	2,1	2,2
«людей» на дворъ	1,5	1,6
коробей	5,1	4,9
копенъ покоса	35	31
обежъ на дворъ	1,2	1,2

Въ четырехъ случаяхъ мы видимъ очень близкое сходство, доходящее до почти полнаго совпаденія. Среднее число копенъ покоса въ выборочномъ подсчетѣ получилось нѣсколько преуменьшенное. Отчего такая разница—на этотъ вопросъ мнѣ будетъ удобнѣе отвѣтить нѣсколько ниже.

Вотъ, затѣмъ, нѣсколько наиболѣе характерныхъ процентныхъ величинъ, дающихъ понятіе о группировкѣ населенія по величинѣ запашки:

		по 37 пог.	по 7 пог.
съ запашкой менѣе 2 кор.	однодворн. деревни . .	10	10
	многодворн. » . .	2,5	3
съ запашкой болѣе 6 кор.	однодворн. » . .	23	22
	многодворн. » . .	18	21

Пашенная группировка по взятымъ на выборку семи погостамъ, такимъ образомъ, также весьма близко воспроизводитъ получающуюся изъ полнаго подсчета по 37 погостамъ. Иное мы видимъ для сѣнокосовъ:

		по 37 пог.	по 7 пог.
накашиваютъ менѣе 25 коп.	однодворн. деревни .	27	42
	многодворн. » . .	57	64
накашиваютъ болѣе 75 коп.	однодворн. » . .	22	12
	многодворн. » .	7	4

Картина, получаемая изъ выборочнаго подсчета по семи погостамъ, рѣзко отличается здѣсь отъ результата полной обработки по 37 погостамъ. Почему выборочной подсчетъ даетъ для запашки

очень близкіе къ полному подсчету, для покосовъ—существенно отличающіеся отъ него результаты,—объяснить не трудно: размѣръ запашки въ условіяхъ натуральнаго хозяйства зависитъ, въ массѣ, отъ факторовъ приблизительно постояннаго характера: рабочей силы средней семьи и ея-же продовольственныхъ потребностей; размѣръ сѣнокошенія опредѣляется, напротивъ, условіями гораздо болѣе измѣнчиваго характера: самая потребность въ сѣнѣ зависитъ отъ количества скота, которое можетъ быть весьма различнымъ, главное же—возможность удовлетворить этой потребности зависитъ отъ наличности бо́льшаго яли меньшаго количества и лучшаго или худшаго качества сѣнокосныхъ угодій. Для даннаго конкретнаго случая не лишено значенія то, что какъ въ выборку г. Нордмана, такъ и въ мою, совершенно не вошелъ богатый покосами юго-восточный районъ Шелонской пятины, благодаря чему итоговыя, какъ среднія, такъ и процентныя цифры должны были измѣниться въ сторону пониженія.

Совершенно неправильное представленіе даетъ выборочный подсчетъ по 7 погостамъ о градаціи разныхъ разрядовъ крестьянъ по главнѣйшимъ, учитываемымъ писцовою книгой, земельно-хозяйственнымъ признакамъ. Не приводя здѣсь цифръ, достаточно отмѣтить, что по величинѣ запашки на первыхъ мѣстахъ стоятъ по полному подсчету оброчные, за ними помѣщичьи, по выборочному—монастырскіе и своеземческіе крестьяне; по обезпеченности покосами первыя мѣста занимаютъ по полному подсчету своеземческіе и оброчные, по выборочному—монастырскіе крестьяне; тягость обежнаго обложенія, выраженная въ числѣ коробей на обжу, по полному подсчету меньше всего у помѣщичьихъ, по моему выборочному—у оброчныхъ крестьянъ.

Такіе результаты сдѣланныхъ мною сопоставленій, какъ мнѣ кажется, совершенно уничтожаютъ возможность непосредственнаго или автоматическаго распространенія за предѣлы поля наблюденія выводовъ, полученныхъ вторымъ изъ охарактеризованныхъ мною выше пріемовъ частичной разработки историко-статистическаго матеріала; го-

воря конкретнѣе—возможность непосредственнаго обобщенія выводовъ, полученныхъ изъ подсчета данныхъ по сплошной группѣ погостовъ или по нѣсколькимъ, наудачу выхваченнымъ погостамъ. Такая возможность должна быть установлена въ каждомъ данномъ случаѣ путемъ анализа всей совокупности условій, характеризующихъ учтенную территорію, съ одной стороны, и ту, на которую имѣется въ виду распространить полученные выводы, съ другой. И если даже установлена возможность обобщенія нѣкоторой части признаковъ (въ нашемъ случаѣ размѣръ селенія, двора, средній для всѣхъ разрядовъ размѣръ запашки), то это еще отнюдь не даетъ права обобщить другіе признаки, зависящіе, можетъ-быть, отъ совершенно другой, или во всякомъ случаѣ отъ сильно осложненной, совокупности условій.

Мнѣ хотѣлось бы, въ заключеніе, остановиться на нѣкоторыхъ соображеніяхъ общаго характера, къ которымъ меня привелъ мой—пока, конечно, очень ограниченный—опытъ въ дѣлѣ примѣненія статистическаго метода къ разработкѣ историческихъ источниковъ.

Статистика есть счетъ. Но не всякій счетъ есть статистика. О статистикѣ, какъ своеобразномъ методѣ научнаго изслѣдованія, можетъ быть рѣчь только тогда, когда счетъ принимаетъ характеръ систематическаго массоваго наблюденія; на доступную же ей высоту первостепенно-важнаго орудія научнаго познанія она поднимается только тогда, когда массовое наблюденіе примѣняется въ цѣляхъ установленія закономѣрностей и причинныхъ, или точнѣе—функціональныхъ зависимостей. Въ частности, задача статистическаго метода въ исторіи отнюдь не ограничивается численнымъ изображеніемъ историческихъ фактовъ, допускающихъ количественное выраженіе. Правомъ и научною обязанностью статистика остается—какъ я высказывалъ въ рецензіи на работу Н. Н. Нордмана—еще выясненіе причинныхъ (функціональныхъ) связей и зависимостей, поскольку таковыя могутъ быть выведены изъ сопоставленія полученныхъ ста-

тистическихъ коэффиціентовъ—сопоставленія, выражающагося въ формѣ либо сравнительнаго анализа статистическихъ рядовъ, относящихся къ различнымъ признакамъ изучаемаго явленія, либо анализа рядовъ, изображающихъ какой-либо одинъ признакъ, въ зависимости отъ факторовъ, могущихъ вліять на величину отдѣльныхъ членовъ ряда [1]). Но на этомъ задача статистика, какъ такового, и кончается. Задачею статистическаго метода, какъ такового, всегда и вездѣ, въ томъ числѣ и въ области историческихъ изысканій, остается лишь установленіе тѣхъ или иныхъ постоянствъ, правильностей, причинныхъ (функціональныхъ) зависимостей, которыя уже внѣ сферы примѣненія статистическаго метода, въ области соотвѣтственныхъ спеціальныхъ знаній, получають себѣ окончательное объясненіе; объясненіе статистически-установленныхъ закономѣрностей и причинныхъ зависимостей, и тѣмъ болѣе использованіе ихъ для дальнѣйшаго развитія соотвѣтственныхъ отраслей знанія—дѣло представителей соотвѣтственныхъ спеціальныхъ наукъ, для которыхъ статистическій методъ есть не болѣе какъ одно изъ разнообразныхъ, доступныхъ имъ, орудій научнаго познанія. Статистики, правда, сплошь и рядомъ берутъ на себя и эту задачу—они рѣшаются объяснять найденные ими, статистическимъ путемъ, правильности и причинныхъ зависимости и использовать ихъ для тѣхъ или иныхъ научныхъ построеній. Но въ такомъ случаѣ они выступаютъ уже въ роли не статистиковъ, а спеціалистовъ по соотвѣтственнымъ отраслямъ знанія; если я—чтобы взять конкретный примѣръ—рѣшаюсь на объясненіе получаемыхъ мною статистическимъ путемъ выводовъ въ области земельныхъ и хозяйственныхъ отношеній, а тѣмъ болѣе на использованіе ихъ для какихъ-либо научныхъ построеній—я дѣлаю это не потому, что я статистикъ, а потому, что считаю себя освѣдомленнымъ въ соотвѣтственныхъ спеціальныхъ отрасляхъ общественныхъ наукъ. Въ томъ-же качествѣ я выступаю, когда позволяю себѣ подыскивать объясненія для закономѣрностей и причинныхъ зави-

[1]) См. подробнѣе мою книгу «Теорія и методы статистики», т. I, гл. 4.

сямостей, установленныхъ путемъ статистической обработки писцовыхъ книгъ. Но моя компетенція въ этой области остается, естественно, крайне ограниченной: чтобы объяснить и всесторонне использовать статистически-констатированные факты хозяйственной исторіи 15 и 16 вѣка, мало быть статистикомъ, мало даже быть освѣдомленнымъ въ вопросахъ крестьянскаго землевладѣнія и хозяйства; надо быть историкомъ, спеціалистомъ по исторіи данной эпохи. Я, статистикъ, могу, путемъ статистическаго анализа, привнести кое-что для выясненія понятія обжи и принциповъ обежнаго обложенія,—но совершенно напрасно было-бы ожидать отъ меня и мнѣ подобныхъ разрѣшенія вопроса о томъ, что̀ такое была обжа и какъ происходило обежное обложеніе; я могу кое-что привнести для выясненія характера земледѣльческаго хозяйства въ данной мѣстности и въ данную эпоху—мой статистическій анализъ можетъ, въ частности, заставить отвергнуть одинъ, ранѣе существовавшія гипотезы, придать конкретную форму другимъ, навести на нѣкоторыя такія новыя построенія, къ которымъ трудно было-бы прійти инымъ, кромѣ статистическаго, путемъ (*я имѣю въ виду приведенную выше* схему типовъ земледѣльческаго хозяйства),—но рѣшающій голосъ всегда будетъ принадлежать историку, который используетъ мой статистическій анализъ наряду и въ комбинаціи со всѣми иными, ему доступными, источниками и пріемами научнаго изслѣдованія.

Однако, въ раздѣленіи между разными лицами несомнѣнно различныхъ по своему существу функцій нѣтъ никакой изъ существа дѣла вытекающей необходимости. Какъ статистическіе навыки и знаніе статистической методологіи могутъ совмѣщаться въ одномъ лицѣ со спеціальнымъ знаніемъ экономики: землевладѣнія и сельскаго хозяйства, эволюціи обрабатывающей промышленности, ученія о народонаселеніи, уголовной политики и т.-п., такъ-же точно они могутъ совмѣщаться со спеціальною освѣдомленностью въ тѣхъ или другихъ областяхъ исторіи. Нѣтъ никакихъ препятствій къ тому, чтобы историкъ былъ въ то-же время и статистикомъ. Мало того—будетъ несо-

мнѣнно лучше, если примѣненіе статистическаго метода—поскольку окажется поле для его приложенія—будетъ исходить отъ изслѣдователя-историка: онъ лучше, нежели кто-либо иной, будетъ знать, въ какую сторону направить рѣзецъ статистическаго анализа; онъ въ самомъ процессѣ работы лучше нежели кто-либо иной сумѣетъ извлечь изъ матеріала все цѣнное для характеристики даннаго явленія; и обратно—разъ онъ самъ продѣлалъ статистическій анализъ, онъ несравненно полнѣе сможетъ использовать его результаты, нежели тотъ, кто получитъ для дальнѣйшаго использованія результаты произведеннаго другимъ лицомъ статистическаго анализа.

Достигнуть такого совмѣщенія не такъ трудно—но и не слишкомъ легко. Какъ вѣрно замѣтилъ В. И. Веретенниковъ, историкъ, желающій идти историко-статистическимъ путемъ, „долженъ быть во всеоружіи знанія статистическаго метода". И достигнуть этого всеоружія нельзя безъ нѣкоторой, впрочемъ не слишкомъ сложной, теоретической и практической подготовки.

Какъ должна быть поставлена подготовка историка, желающаго идти историко-статистическимъ путемъ—на это даетъ нѣкоторыя указанія практика давшей поводъ для настоящей замѣтки семинарской работы.

Я нарочно не упомянулъ во вступительной части этой замѣтки о слѣдующемъ обстоятельствѣ: когда о желаніи вступить въ статистическій семинарій заявили первыя четыре слушательницы-исторички, я ограничился требованіемъ отъ нихъ, какъ условія пріема, коллоквіума по курсу статистики, а затѣмъ прямо приступилъ съ ними къ работѣ по писцовымъ книгамъ, освободивъ ихъ отъ обязательныхъ для остальныхъ участницъ семинарія, довольно обременительныхъ, пропедевтическихъ работъ по общей статистикѣ; мнѣ казалось неумѣстнымъ формализмомъ—требовать отъ лицъ, весь интересъ которыхъ направленъ въ сторону исторіи, выполненія такихъ работъ, которыя къ ней не имѣютъ никакого видимаго отношенія. Я долженъ былъ, однако, убѣдиться въ томъ, что я поступилъ ошибочно. Составъ „исторической" группы семинарія былъ, во всякомъ слу-

чаѣ, выдающійся—гораздо выше средняго уровня участницъ статистическаго семинарія; интересъ ихъ къ дѣлу былъ совершенно исключительный,—и тѣмъ не менѣе недостатокъ статистическихъ навыковъ и, такъ сказать, статистическаго воспитанія давалъ себя чувствовать на каждомъ шагу: когда дѣло доходило, напримѣръ, до проектированія таблицъ, имъ съ большимъ трудомъ давалось то, что заурядная, но прошедшая нормальный циклъ семинарскихъ занятій, слушательница дѣластъ безъ затрудненія; когда онѣ оказались лицомъ къ лицу съ готовыми таблицами—обнаружился недостатокъ умѣнья читать цифры и уловлять кроющіяся въ нихъ закономѣрности. И еще одно обстоятельство: когда начиналась наша общая работа, я поражался тому, какъ много мои исторически-подготовленныя сотрудницы подмѣчали въ матеріалѣ такого, что для меня, статистика, а не историка, проходило совершенно незамѣченнымъ; но скоро я долженъ былъ убѣдиться въ томъ, что это достоинство переходило у нихъ въ недостатокъ: въ неумѣнье отвлекаться отъ третьестепенныхъ мелочей и становиться на обязательную для статистика обобщающую точку зрѣнія массоваго наблюденія; ту точку зрѣнія, которая—перефразируя слова Кетле—повелѣваетъ статистику не входить въ детали единичнаго случая, а разсматривать его только какъ дробную часть собирательнаго цѣлаго. И что мнѣ особенно дорого отмѣтить: съ достойною всякаго уваженія готовностью къ самокритикѣ, мои сотрудницы и сами сознали недостаточность своей статистической подготовки: однѣ изъ нихъ по собственной иниціативѣ, другія—идя на встрѣчу моему совѣту, всѣ онѣ, въ концѣ концовъ, вошли въ курсъ семинарскихъ работъ по общей статистикѣ, имѣя въ виду на нихъ расширить и углубить свою не вполнѣ достаточную методологическую подготовку. И для меня отсюда вытекаетъ ясный выводъ: кто хочетъ работать статистическимъ методомъ въ области исторіи, долженъ обладать, прежде всего, надлежащею историческою подготовкой; но въ дополненіе къ ней онъ *долженъ пріобрѣсти и надлежащую подготовку въ области статистической методологіи и выработать въ себѣ необходимые статистистическіе навыки*. Мнѣ кажется, что высшая

историческая школа пошла бы на встрѣчу насущной въ томъ потребности, если бы открыла будущимъ историкамъ, въ особенности спеціализирующимся на экономической и соціальной исторіи, возможность воспользоваться какъ теоретическимъ, такъ и практическимъ преподаваніемъ статистическаго метода.

А. Кауфманъ.